

Иероним Иеронимович Ясинский

Васса Макаровна

«На балконе был приготовлен стол для вечернего чая. Хозяйка дома, Васса Макаровна Барвинская, бросила на стол последний критический взгляд и нашла, что всё в порядке. Самовар, в котором ярко отражалась сбоку зелень сада, а сверху — ясная лазурь неба, блеснул как золотой. Масло желтело в хрустальной маслёнке. Стекло стаканов, серебро ложечек, а также белизна голландской скатерти были безукоризненны. Васса Макаровна подумала, что хорошо было бы в сухарницу, вместо домашнего белого хлеба, уже несколько чёрствого, положить кренделей и вообще каких-нибудь вкусных печений, но сообразила, что гости, конечно, извинят, потому что где же достать всего этого, живя в семи верстах от города, и притом на хуторе. С этой мыслью она медленно сошла по ступенькам балкона в сад, чтобы разыскать гостей — брата с его женой и молоденькою свояченицей, соседа-помещика, да одного офицера...»

Иероним Ясинский
Васса Макаровна

На балконе был приготовлен стол для вечернего чая. Хозяйка дома, Васса Макаровна Барвинская, бросила на стол последний критический взгляд и нашла, что всё в порядке. Самовар, в котором ярко отражалась сбоку зелень сада, а сверху — ясная лазурь неба, блестел как золотой. Масло желтело в хрустальной маслёнке. Стекло стаканов, серебряных ложечек, а также белизна голландской скатерти были безукоризненны. Васса Макаровна подумала, что хорошо было бы в сухарницу, вместо домашнего белого хлеба, уже несколько чёрствого, положить кренделей и вообще каких-нибудь вкусных печений, но сообразила, что гости, конечно, извинят, потому что где же достать всего этого, живя в семи верстах от города, и притом на хуторе. С этой мыслью она медленно сошла по ступенькам балкона в сад, чтобы разыскать гостей — брата с его женой и молоденькою свояченицей, соседа-помещика, да одного офицера.

Сад был небольшой, но старый и довольно глухой. Обрамляли его с четырёх сторон тополи; яблони и груши стояли вперемежку с кустами смородины и крыжовника; вишни и

сливы в одном углу (там находилась беседка), а малина росла в другом. Цветов было мало: две клумбы настурций и резеды, с георгинами посредине, да душистый горошек у стен и у трельяжа на балконе.

Для Вассы Макаровны прогулка даже по этому небольшому саду представляла некоторый труд. Эта дама, несмотря на свои тридцать лет, могла быть названа особой почти тучной. Теперь, идя по аллее, она слегка переваливалась с ноги на ногу и смотрела по сторонам с улыбкой. Улыбка назначалась ею преимущественно для соседа-помещика и для офицера. От себя она этого не скрывала. Ей нравились и тот, и другой. Помещик был солиднее и умнее, офицер моложе. Кроме того, у офицера были очень выразительные, красные и пухлые губы. Если бы кто-нибудь из них неожиданно встретил её здесь, то увидел бы, что лицо у неё приятное. Ей хотелось вообще производить впечатление своею внешностью, и она кокетничала даже своей полнотой: в походке её было столько томности и грации, что это ещё более замедляло её движения. Затем она кокетничала деревенской

натуральностью и отдавала справедливость покойному мужу, который называл её: «дитя природы». Вот и теперь она вдруг вспомнила это и, остановившись и приложив руку к груди, решила, без церемонии, прибегнуть к своему звонкому голосу и позвать гостей. Сделала она это, действительно, непринуждённо, так что и самой ей понравилась эта непринуждённость, и она засмеялась, что опять вышло хорошо. «В самом деле, я очень естественная», — подумала она с удовольствием.

На зов её между тем с двух сторон откликнулись голоса. Она узнала их сразу. Один голос принадлежал Сашурочке, свояченице её брата, и показался ей каким-то не то сконфуженным, не то чересчур громким, — одним словом, ненатуральным, совсем не таким, каким она сама кричала. Другой, очевидно, вышел из горла Ильи Кузьмича Плакудина и раздался почти в двух шагах от неё, солидный и непохожий на крик, а так — на какое-то успокоительное междометие, вроде: «хо!» Вслед за этим возгласом показался и сам Плакудин.

На нём был синий из летнего трико сюр-

тук, застёгнутый на три пуговицы, и белый галстук. Губы его, тщательно выбритые, насмешливо улыбались, а чёрные глазки, казалось, ели Вассу Макаровну, и она даже покраснела под их взглядом. Держал он в руке газету, с которой никогда не расставался, потому что ему нравилось встречать в ней свои собственные мнения. Он смотрел на хозяйку дома и думал: «Надо жениться».

На приглашение идти пить чай, он сказал:

— Чай с лимоном?

— Нет.

— С вареньем?

— Нет. Не сварила ещё.

— Но крайней мере, китайский?

— Китайский.

— Булки свежие?

Васса Макаровна расхохоталась.

— Что за вопросы, и каким строгим тоном!.. Нет, чёрствые!

— А масло и сливки?

— Самые свежие! Успокойтесь наконец.

Он пошёл возле неё и глядел на её круглые плечи, белую шею, свежее розовое ухо, скрытое до половины в тёмно-каштановых воло-

сах, густых и тяжёлых, крепкий белый подбородок и румяные щёки, и всё думал: «Нет, непременно надо жениться!»

Илья Кузьмич был не только умный, но и остроумный человек, ибо никогда не говорил спроста, как и во время этого разговора о чае. Он жил в десяти верстах от Вассы Макаровны и приезжал к ней почти каждый день на беговых дрожках, после обеда; она привыкла к нему. С мужем её он был не в ладах и даже вёл с ним тяжбу, но по смерти его тяжбу прекратил. В уезде все знали его, и многие считали опасным человеком, именно за его ум. Он посмеивался и относился к этому как философ. Всё-таки хоть боялись, да значит уважали его... Сам же он никого не уважал, потому что единственный человек, которого он признавал выше себя, умер лет пять тому назад. Это был профессор того университета, где он слушал когда-то право. Профессор вызывал его удивление своей язвительностью. А однажды он заставил Плакудина чуть не подпрыгнуть и не заболеть от восторга, когда сказал, что Фридрих Великий не только прогнал, но и высек Вольтера за то, что тот крал у него

сальные огарки. С тех пор образ язвительного профессора стал преследовать его неотступно и повлиял на всю его жизнь. Плакудин подражал ему во всём — в голосе, в походке, даже в костюме, и постепенно утратил своё собственное обличье, так что уже и не помнил себя другим, хотя постоянно чувствовал, что до идеала ему ещё далеко.

Сделав несколько шагов по направлению к дому, Плакудин произнёс:

— Васса Макаровна, вы мне хотите что-то сообщить?

— Я уж сказала! — отвечала Барвинская, обращая к нему лицо в ожидании, не сострит ли он как-нибудь.

Физиономия Плакудина, однако, хранила невозмутимое выражение.

— В таком случае я вам сам... сообщу. Мне кажется, что я вам нравлюсь! — сказал он.

Васса Макаровна всплеснула руками и засмеялась, и на её крепких и белых щеках показались ямочки.

— Это новость!

— Не думаю, — возразил он, сжимая губы.

— Надо много, чтобы мне понравиться, —

промолвила она с мечтательной улыбкой.

— Много?.. Если хотите, я поступлю на военную службу.

— Мне всё равно...

— В гусары или просто в армейские офицеры, — продолжал Плакудин. — У меня довольно воинственная фигура. Я мог бы с успехом командовать: «скуси патрон», или что-нибудь в этом роде.

Васса Макаровна посмотрела на него своими ленивыми глазами и, пользуясь тем, что она — «дитя природы» и, следовательно, имеет право быть откровенной, сказала:

— Вы это острите насчёт Гржиб-Гржибовского! Но кроме того, чтобы быть офицером, вам надо помолодеть. Вам скоро сорок лет. Вы уж стары.

— Я моложе Гржиб-Гржибовского! Я великолепно сохранился, а он — развалина. У меня волосы густоты замечательной, а у него — плешь. Если б вы видели, как он сейчас ухаживал за вашей Сашурочкой! Дело происходило в беседке. Впрочем, если б я был на его месте, а вы на месте Сашурочки...

— Что ж бы вы сделали?

На бледном лице Плакудина вспыхнули два красных пятна.

— В качестве военного человека, я взял бы крепость.

— Нелёгкое дело! Вы ужасно дерзки!

— С вами иначе нельзя! И взял бы я, знаете, с такой же офицерской удалью, с какой... мой Цербер уплетает вон там на балконе ваше масло, — прибавил он.

Васса Макаровна слабо вскрикнула. Цербер, действительно, уплетал масло, вытянувшись на своих длинных задних ногах. Васса Макаровна стала кричать на него, грозить ему и пошла скорее. Но Цербер не обращал на неё внимания.

— Не беспокойтесь, — сказал Плакудин. — Это не поможет. Я его знаю. Его теперь не оторвёшь. И вообще пока мы дойдём до балкона, Цербер не только слижет всё масло, но и съест булки.

— Но это ужасно! — сказала Васса Макаровна.

— Кроме того, — продолжал Плакудин, — он, по моему крайнему соображению, должен разлить сливки по столу, чтоб удобнее ла-

кать.

— Да будь он проклят! — вскрикнула Васса Макаровна с нескрываемою досадою.

Но впрочем она равнодушнее отнеслась к хищничеству Цербера, когда, взбежав на балкон, убедилась в целости сливок и белого хлеба. Пострадало одно масло. Сам Цербер, завидев её в непосредственной от себя близости, лёгким прыжком очутился в зале и, худой и огромный, смотрел оттуда, из рамы дверей, облизываясь и тряся лохматыми ушами. Васса Макаровна приказала подать нового масла и принялась разливать чай.

Пришёл её брат с женой. Это был пасмурный и солидный человек с множеством золотых колец на руках, по фамилии Балабан. Живот у него был большой, а тело худое. Служил он по акцизу, и ему всюду мерещилась беспатентная торговля. Он и теперь мучился, что, по долгу службы, следовало бы быть не в гостях, а в Магеровщине, ближайшем селении, где, судя по доносу, полученному им накануне, портной Мошка занимается тайною продажей питей. Поэтому он был не в духе. Жена его, Юлия Капитоновна, была маленькая и ху-

денькая дама, лет двадцати восьми, с приподнятыми угловатыми плечами и с большой головой, почти уроненной на грудь. По пути Юлия Капитоновна крепко опиралась на руку мужа, потому что считала это трогательным признаком любви, и была, по-видимому, чрезвычайно счастлива, что он с нею, а не рыщет по участку в поисках за нарушениями правил о питейной торговле. Когда он сел к столу, она села рядом с ним и с вопросительной улыбкой посмотрела своими большими и слегка мутными глазами на Вассу Макаровну и Плакудина, как бы ища одобрения. Но Васса Макаровна была занята соображениями о Сашурочке и всё поглядывала в сад, а Плакудин сделал, в ответ на улыбку Юлии Капитоновны, такое холодное лицо, что она почувствовала себя неловко и стала пробовать чай, с оттенком какой-то чрезвычайной и внезапной серьёзности, как будто это было Бог знает какое дело. Потом, всё с тою же серьёзностью и так же внезапно, она спросила, что нового в газетах. Муж её, зевнув и взглянув почему-то на небо, синее и в лёгких бело-жёлтых облаках, которые становились всё золотистее по

мере приближения к закатывавшемуся солнцу, сказал:

— Не знаю, матушка. Хотят уменьшить число кабаков. Но от этого возрастёт только беспатентная торговля.

Он с тоской щёлкнул пальцами, потому что живо представил себе Мошку-портного, как раз, может быть, в этот самый миг уцербляющего казённый интерес этим преступным способом. Плакудин целиком сказал наизусть передовую статью из своей газеты о кабачном вопросе. Статью он весь день изучал и произнёс её теперь с истинно профессорским апломбом. Акцизник одобрительно кивал головой, хотя в душе считал всё это «химерами» и «глупостями». Вообще он был убеждён, что умные люди всегда говорят глупости. Когда явились Гржиб-Гржибовский и Сашурочка к большому удовольствию Вассы Макаровны, то разговор принял другое направление.

Гржиб-Гржибовский был белобрысый армейский офицер с тёмными нафабранными усиками и заплывшими глазками, смотревшими добродушно и самодовольно. Выстрижен он был под гребёнку, и голова у него име-

ла форму отчасти коническую. Руки он держал по обеим сторонам груди, как будто нёс себя, и громко звякал шпорами, которых, однако, по роду службы, ему не полагалось. Он ловко подвинул Сашурочке стул и сам сел, с не меньшею ловкостью, между ею и Вассой Макаровной, распространяя кругом запах табачного дыма и одеколона.

Васса Макаровна, подавая ему стакан чаю, спросила, с самой задушевной простотой, не хочет ли он сливок, и глубоко посмотрела ему в глаза. Плакудин заметил этот взгляд, и чувство ревности к Гржиб-Гржибовскому усилилось в нём до того, что он сразу возненавидел его. «Не я буду, — подумал он, — если не сделаю из него сейчас же самого великолепного дурака. Пусть эта толстуха полюбуется». Он стал придумывать разные, необходимые для этого способы. Гржиб-Гржибовский между тем обратил к Вассе Макаровне лицо и пленительно улыбнулся в благодарность за взгляд и за сливки и, в свою очередь, передал молочник Сашурочке, которая ухитрилась взять его двумя пальчиками. Гржиб-Гржибовский обратил лицо и к ней и тоже пленительно

улыбнулся. Он улыбнулся так же точно Балабану и его жене и, наконец, Плакудину, как бы говоря: «Неправда ли, я — молодец?» Ему показалось, что утвердительный ответ на этот вопрос могли бы дать все присутствующие, и он принялся за чай с большим аппетитом, весьма одобряя масло, сливки и деревенский воздух.

— Это рай, — говорил он, постоянно подёргивая плечами, где на белом кителе блестели золотые погоны. — Васса Макаровна, вы счастливейшая из смертных! Когда я приезжаю сюда, то дышу этой замечательной атмосферой. О, какая ж это атмосфера! Не правда ли, Александра Капитоновна? В городе я всё время кашляю. Кашель у меня с детства. Когда я был маленький, то уже кашлял как старый. Знаете, такой очень продолжительный кашель и так, что даже грудь болит. Но вот, видите, теперь не кашляю. Ежели это не здешняя атмосфера, столь благодетельно действующая, то скажите мне, на милость Бога, отчего ж это происходит? Где тому причина?.. А какое чудное масло у Вассы Макаровны! Право, это масло такое... такое масло... — он

намазал им ломтик хлеба. — Удивительное масло!.. — он положил ломтик в рот. — То крем, а не масло...

Он поперхнулся, потому что сделал неудачную попытку одновременно есть, пить и говорить.

Плакудин сказал ему:

— Атмосфера Вассы Макаровны и её кремopodobное масло не всегда, значит, благотельно действуют на вас. Вы сейчас кашляли «как старый».

— О, то другая причина! — воскликнул Гржиб-Гржибовский с оживлением. — То кашель не злокачественный. Я имею очень широких два горла. Когда-нибудь я раскрою рот, и вы увидите, ежели вам угодно.

— Раскройте теперь...

— Ей-богу, я вам покажу... Отчего же?.. Мне будет очень приятно. Но однако же этого не надлежит делать при столь очаровательных дамах, — он звякнул шпорами. — Конечно, пища идёт из одного горла в другое, — продолжал он, — но ежели вдруг сделается наоборот, то выходит кашель... Нет, нет! — воскликнул он в заключение и обвёл глазами

небо. — Здешняя атмосфера очень даже замечательная.

Последнюю фразу он произнёс с большим глубокомыслием и молча, в три приёма, осушил стакан.

— Благодарю вам! — сказал он вдруг с еврейским акцентом, обращаясь к Вассе Макаровне, и весело засмеялся, подвигая ей стакан.

Дамы тоже засмеялись.

— Вы умеете представлять жида? — спросила его Васса Макаровна с ласковым участием. — Скажите-ка ещё раз... Как это вы сказали...

— «Благодарю вам», — повторил Гржиб-Гржибовский.

— Прелесть! — воскликнула Васса Макаровна.

Плакудин нахмурился в сторону офицера, а тот повернул к нему своё лицо и опять произнёс: «благодарю вам!», и кивнул ему головой.

— Я умею представлять жида! — начал он с хохотом. — Я все рассказы Вейнберга знаю. Ах, что это за рассказы! Какой талант!.. Что

Гоголь! У Гоголя ничего нет такого смешного... Никто ещё так не писал, никогда, нигде, ни в «Стрекозе», ни в «Будильнике»! То просто умора, я вам скажу... Александра Капитоновна, не правда ли? Слыхали вы этот изумительный рассказ, как жид продавал ружьё с согнутым стволом? Ах, какая верность природе, ах!..

Васса Макаровна подала ему стакан чаю и попросила его что-нибудь рассказать. К её просьбе присоединились Юлия Капитоновна и Сашурочка.

Он не заставил себя долго просить и начал рассказывать, а когда кончил, то вызвал всеобщий восторг, причём даже на губах Балабана расцвела приятная улыбка; только Плакудин сидел с самым насмешливым выражением глаз. В душе его кипело негодование. Он думал, как ничтожны люди, на которых какой-нибудь офицер может производить впечатление. Видя, что Васса Макаровна сияет, он пуще прежнего горел желанием утопить Гржиб-Гржибовского в ложке воды. Но чем ничтожнее казался ему молодой человек, тем он был неуязвимее. Сделать из него «велико-

лепного дурака» мог бы только разве покойный профессор, к тени которого теперь мысленно и взывал Плакудин.

Офицер между тем был в своей тарелке. Рассказы следовали за рассказами. Когда же запас их истощился, он стал свистать как соловей и исполнил вальс, звонко щёлкая себя по затылку и темени большим и указательным пальцами. Он был душою общества, и губы его понравились в этот вечер хозяйке дома более, чем когда бы то ни было.

Но губы его, кроме того, произвели значительное впечатление и на Сашурочку. Васса Макаровна живо почувствовала это. Сашурочка едва вышла из детского возраста. Она была тощее создание, с волнистыми белокурыми волосами, красиво обрамлявшими её продолговатое розовое личико. Она не умела скрывать своих чувств и с восторгом смотрела на офицера, находя его «миленьким», «славненьким» и «прелесть каким».

«Дура уже влюбилась», — соображала Васса Макаровна и с удовольствием выдрала бы её за уши и поставила в угол. Тревога её особенно усилилась, когда после чаю Гржиб-Гр-

жибовский, увлекаясь «замечательной атмосферой», пригласил Сашурочку побегать с ним по саду. В этом занятии Васса Макаровна никоим образом не могла принять участия. Васса Макаровна только завистливо улыбнулась и сказала:

— Ах, молодость, молодость!

Плакудин насмешливо взглянул на неё.

— Гржиб-Гржибовский, кажется, таки серьёзно ухаживает за Сашурочкой! — произнёс Балабан.

Васса Макаровна встрепелась, но сделала вид, что это её мало интересует.

— Она очень молоденькая, — сказала Юлия Капитоновна. — Да я и сама вышла замуж, когда мне до шестнадцати лет нескольких месяцев недоставало. Уж эти мужчины-тираны! — прибавила она и жеманно взглянула на мужа.

— Для молоденькой девушки благодеяние, если на ней рано женятся! — произнёс Балабан тоном благодетеля.

— А есть у неё приданое? — спросил Плакудин.

— У Сашурочки ничего нет, — сказал Бала-

бан. — По моему, пусть себе выходит за Гржиб-Гржибовского. Он уже в законных летах, и она ему пара.

— Зачем так спешить, братец? — произнесла Васса Макаровна.

— Чтоб не вышло чего худого. В тягость нам Сашурочка. Извольте углядеть за такой козой!.. Нет, покорно благодарю.

— Если она — бесприданница, — сказал Плакудин, — то я уверен, что он на ней не женится. Гол как оципанный цыплёнок!

— Уж будто?

— Он, кажется, такой идеалист! — заметила Юлия Капитоновна, мечтательно глянув в пространство.

— На нём сапог нет, разве вы не заметили?

— Как нет?

— Всё равно, что нет. — Так искривились, что когда он стоит, то напоминает Пизанскую башню. Того гляди, упадёт...

— Ну, что это, право! — сказала Васса Макаровна.

— Я не шучу. Затем на нём, кажется, нет белья.

— Как нет?

— Неужели не заметили? — спросил Плакудин и пожал плечами. — Загляните ему в рукав.

— Да это такая военная форма!.. Оставьте уж, Илья Кузьмич! — сказала Васса Макаровна. — Что за шутки!

— Уверяю же вас, я не шучу. Но пусть это будет военная форма. В таком случае потрудитесь спросить у него, который час?

— Вы думаете, у него и часов нет?

— У него есть только цепочка, — отвечал Плакудин, — да и та самоварного золота. А вместо часов он носит ключик от чемодана.

Балабану это показалось очень смешным и, взглянув снова на небо, где золотые облачка уже приняли оттенок меди, он улыбнулся широкою улыбкой. Васса Макаровна сказала:

— Илья Кузьмич, вы вечно с вашими едкостями! Но только, право же, у него настоящие часы.

— Пари! — произнёс Плакудин. — À discrétion![1]

— Хорошо!

— Отправимтесь в сад к нему и удостоверимся!

Васса Макаровна поднялась с места, но Балабан стал жаловаться, что недостаточно напился чаю, и Юлия Капитоновна принуждена была остаться с мужем на балконе. Плакудин один пошёл с Барвинскою.

— Они теперь бегают! — промолвила она почти с огорчением.

— Едва ли! — убеждённо сказал Плакудин. — С такими оригинальными сапогами далеко не побежишь. Мы сейчас где-нибудь откроем их. Я уверен, что они опять в беседке, потому что, действительно, они влюблены друг в друга.

— Неправда! — воскликнула Васса Макаровна и задумчиво понюхала сорванный ею по дороге цветок. На её щеках разлился румянец. — Скажите лучше, — начала она, — о чём они говорили тогда в беседке?

— А вас это очень интересует?

— Очень.

— Подойдёмте тихонько и подслушаем. У влюблённых разговоры всегда одни и те же. Сами услышите, о чём говорят.

— Что это вы заладили одно: влюблённые да влюблённые! Это может надоест!

— Помилуйте, да это не секрет. Об этом вон и ваши говорят. Я только эхо... Ну, хорошо, теперь я вам не расскажу своих наблюдений...

— Пожалуйста!

— Ни за что.

— Прошу вас!

— Я — не сплетник.

— Злой вы, вот что! — сказала она.

— Злой, не злой, а вы не должны принимать Гржиб-Гржибовского.

— Какой вы ревнивец!

— Я не ревную, но мне страшно за ваш курятник. Гржиб-Гржибовский покрадёт всех ваших кур. Не следует пускать в дом такого человека.

— Однако, вы его очень не любите!

— Все офицеры крадут кур, это аксиома! — продолжал Плакудин с таким выражением, с каким покойный профессор говорил о Вольтере, кравшем у Фридриха Великого сальные огарки.

Но, увы, Васса Макаровна была мало впечатлительная дама и не пришла в восторг от язвительности своего поклонника. Он сказал:

— Ну, так и быть... Я слышал, как Гржиб-Гржибовский — фамилия какая — не говоришь! — уверял Сашурочку в вечной любви и просил назначить ему второе свидание в этой же беседке. Сашурочка согласилась. Довольно с вас?

— Скверная девчонка! — прошептала Васса Макаровна.

Они тихо пошли по заросшей до половины дорожке, обрамлённой по обеим сторонам кустами чёрной смородины, запах которой наполнял собою прозрачный воздух. Плакудин не сомневался в том, что увидит и услышит нечто двусмысленное; но уверенность в том он основывал исключительно на предположении Балабана, а не на своих личных «наблюдениях», которые выдумал. Васса Макаровна волновалась, потому что её терзали и любопытство, и ревность, и чувство оскорблённой нравственности. Молоденькая девушка не должна влюбляться: это было её глубокое убеждение.

Они пробрались в вишни и расположились на указанном Плакудиным месте; высокие поросли скрывали их от посторонних взо-

ров и в то же время позволяли им видеть всю внутренность беседки, находившейся от них в нескольких шагах.

В беседке, слегка покосившейся и с покачнувшимся шпиром, на котором блеснул стеклянный шарик точно раскалённый уголёк, ничего и никого не было, кроме скамейки. Васса Макаровна, насмешливо посмотрев на Плакудина, хотела выйти из своей засады, как вдруг он сделал ей знак не трогаться с места. Она услышала шум накрахмаленных юбок. Шум был мерный и приближающийся. Он сопровождался прерывистым смехом. Очевидно, Сашурочка бежала.

Действительно, куст смородины зашевелился, пригнулась вишнёвая поросль и показалась девушка. Она стремительно пронеслась мимо Вассы Макаровны, покрасневшая, улыбающаяся, с развевающимися белокурыми волосами и с руками, протянутыми вперёд. За ней промчался Гржиб-Гржибовский, и Плакудин готов был поклясться, что он бежит, склонившись на бок. Самое же интересное, что бросалось в глаза во внешности офицера, и что не ускользнуло от Вассы Мака-

ровны, была его цепочка. Один конец её выскочил из-за борта кителя и свободно раскачивался. К этому концу, вместо часов, был, в самом деле, привешен обыкновенный железный ключ.

— Пари выиграно! — прошептал Плакудин, с торжеством взглянув на Вассу Макаровну.

Она напряжённо улыбнулась и кивнула головой.

— Ведь *à discrètion*? Вы не забыли? — спросил он.

— Нет.

— И вы знаете, чего я потребуую?

— Какие глупости! После! — сказала Васса Макаровна и приложила палец к губам.

Они замолчали.

Молодые люди очутились в беседке. Сашурочка села на скамейку первая и тяжело дышала. У неё было счастливое лицо. И такое же выражение имело и лицо офицера. Он говорил:

— Ах, как я устал, ах!

— А меня не догнали, — сказала Сашурочка.

— То жаль, — отвечал Гржиб-Гржибовский. — Но и трудно догнать вас. Вы бегаєте как трепетная лань.

— Ну, что ваш зубок? — с участием спросила она.

— О, конечно, болит, но не доставляет страданий! — отвечал Гржиб-Гржибовский. — У меня, нужно вам это знать, все зубы скверные. Я был раненый при переправе через Дунай прикладом в лицо. Полнюсенький рот зубов... Тут был корреспондент, то он сосчитал и телеграфировал в свою газету... С тех самых пор нередко мучаюсь. Как только воздух зайдёт, просто беда! В каждом зубе есть, знаете, дырочка, куда воздух может заходить. Теперь ещё ровно ничего, но что было недавно — невозможно описать! Ах, как же они болели! Я, знаете, кричал, кричал — не помогает. Тогда еду в аптеку. Дают мне в таком маленьком пузырьке капли. Приехал домой — капаю, не помогает. Взял, принял внутрь — тоже не помогает. Позвал денщика: «Держи, братец, меня за голову и жми». — «Не смею, — говорит, — ваше благородие!» — «А, такой-сякой, жми!» — «Слушаю, ваше благородие!»

Жмёт, жмёт, то есть, я вам скажу, изо всей силы, — не помогает. На милость Бога, что мне делать! Прогоняю денщика, ложусь ниц, навзничь, а ни на волос легче! Ну, тут, думаю, лягу себе ещё так: взял и свесил голову с кровати до самого пола, и что ж бы вы думали?

— Помогло?

— Ничуть! — отвечал Гржиб-Гржибовский с торжеством. — А помогла вакса.

— Как вакса?!

— Простая сапожная вакса. Уверяю вас, Александра Капитоновна. Взял жестянку, отколупил этакой себе кусочек ваксы и положил на зуб. Кто меня надоумил на это — не знаю; а только зуб прошёл. Вот и верьте после этого разным там лекарствам! Простая вакса!

— Удивительно!

— До того, что никто не верит, — продолжал с одушевлением Гржиб-Гржибовский. — Я сейчас же рассказал в полку. Только у нас есть штабс-капитан Брыж. Волос, знаете, чёрный, из себя красавец. Он мне и говорит: «Это, друг мой, важное открытие; ты войди о нём с рапортом по начальству». Ну, я понимаю, он шутит. Но пускай себе заболят у него зубы, и

тогда посмотрим... Слово даю, запросит вакцины!

Сашурочка сказала:

— Я ни за что не положила бы вакцины... Фи!

Уж лучше соли.

— Вы сами никогда не страдали?

— Никогда.

— Счастливейшая из прекрасных особ! Вот у Вассы Макаровны, сдаётся мне, тоже совершенно здоровые зубы. У неё они такие, знаете, белые и блистательные, что на удивление! Я любовался её зубами. Вообще она — замечательная дама.

— Чем? — спросила Сашурочка.

— Всем. Ежели б дело было в городе, то я умолил бы её сняться и подарить мне её прекрасный портрет. Ей не посмею, но вам признаюсь, что эта очаровательная женщина мне нравится.

Сашурочка сделала серьёзные глаза и стала смотреть в даль, на верхушку тополя, оранжево-зелёною метёлкой торчавшую из-за тёмной массы других деревьев, окутанных уже вечерними тенями.

Гржиб-Гржибовский продолжал:

— Васса Макаровна такая спокойная и великолепная красота, что всякому должна нравиться. Прошу покорно, это — редкость! Какие у неё волосы, какие глаза, и какая это улыбка!

— Отчего ж вы ей этого, наконец, не скажете? — спросила Сашурочка, всё продолжая смотреть на верхушку тополя.

Гржиб-Гржибовский повернулся к девушке и произнёс:

— Вот что, Александра Капитоновна, мне хотелось бы очень знать, и я себе надеюсь на вас: то правда, что этот штатский — умный такой — что будто он женится на Вассе Макаровне?

— Илья Кузьмич? Не знаю.

Гржиб-Гржибовский замолчал и стал играть цепочкой. Он широко улыбался и точно что соображал, причём результаты соображения выходили, должно быть, приятные.

— Ежели правда, как говорят в городе, то я очень рад; а ежели нет, то я тем более рад.

Сашурочка спросила:

— Который час?

Гржиб-Гржибовский отправил руку за борт

кителя и, вынув золотые часы, подавил пружину и сказал:

— Скоро восемь.

Сашурочка поднялась с места. Выражение лица её было теперь грустное, и она нехотя проговорила, что пора, кажется, уезжать, вздохнула и вышла из беседки, а за ней и Гржиб-Гржибовский.

По уходе молодых людей Васса Макаровна промолвила:

— Кто выиграл пари?

Плакудин пожал плечами.

— Чего же от меня потребуете вы? — спросил вдруг Плакудин взволнованным голосом. — Потребуйте того, чего я сам потребовал бы от вас.

— А вы чего от меня потребовали бы? — Васса Макаровна вполоборота взглянула на Илью Кузмича.

— Вашего сердца, — отвечал он, — и вашей руки.

— Очень рада, что выиграла пари я, и поэтому ничего подобного от вас не требую, — сказала Васса Макаровна, зардевшись. — А потребую я только одного — не го-

ворите со мной никогда дурно о Гржиб-Гржибовском...

Плакудин побледнел.

— Неужели он вам нравится? — спросил он и крепко схватил её за руку.

Она остановилась, тяжело дыша, и потупившись, молчала.

— Говорите же! — со злостью крикнул Плакудин.

Она подняла на него свои ленивые серые глаза и, улыбаясь, сказала:

— Вы слышали, ведь и я ему нравлюсь.

Плакудин не выдержал. Он грубо оттолкнул её руку, повернулся, яростно крикнул: «Цербер, ісі!», и удалился скорым шагом по направлению к садовой калитке, выходящей во двор. Тут он велел заложить в беговые дрожки свою лошадь и уехал домой, пасмурный, проклиная всех женщин в мире и громко ругая Вассу Макаровну.

Васса Макаровна стояла в саду, пока он не исчез из вида. Она вздохнула с облегчением и усмехнулась, сообразив не без гордости, что двух людей она могла бы осчастливить своей благосклонностью. Но с одним, чересчур при-

тязательным, теперь уже покончено. Остался Гржиб-Гржибовский. Думая о нём, она прониклась тихой радостью. Два года как она вдоеет, и ей надоела эта скучная одинокая жизнь. Она слегка потянулась и томною походкой направилась к балкону.

Вечер потухал.

Сентябрь 1881 г.

Примечания

1

По усмотрению, без предварительно выработанного условия — *фр.*

[^^^]